

Российский институт стратегических исследований

Военно-политическая ситуация в мире и вопросы обеспечения национальной безопасности России

Москва 2011

Второе пленарное заседание

Орлов Владимир Андреевич, кандидат политических наук, президент Пир-Центра.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В мае 2010 г. в Нью-Йорке прошла очередная Обзорная конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В отличие от Конференции 2005 г., завершившейся фактически ничем, данный международный форум сумел принять заключительный документ, призванный укрепить ДНЯО, что, несомненно, свидетельствует о значительном успехе.

На сегодняшний день участниками ДНЯО являются 190 государств. Сам Договор бессрочен. Его часто называют краеугольным камнем международной безопасности. Но это сегодня. А какое место он займёт в архитектуре безопасности нового века?

ДНЯО был открыт к подписанию 1 июля 1968 г. Он благополучно пережил европейские заморозки, как потом и апофеоз "холодной войны", крах биполярного мира, вхождение в новый век с изменившимся набором вызовов и угроз. Его одиннадцать ёмких статей никогда не потрясали мир, но всегда оставались прочно зацементированным фундаментом международного режима ядерного нераспространения. Очередной замер прочности – майская (2010 г.) Обзорная конференция, – завершился пусть не полной победой идеи безъядерного мира, но вполне осязаемым успехом в виде заключительного документа, где прописаны конкретные шаги, которые должны предпринять в том числе и ядерные державы, в сторону мира без ядерного оружия; даже упоминание Конвенции о запрещении ядерного оружия появилось в тексте, хотя пока ещё намёком, смутно.

Успехи Договора неоспоримы. Главный – расширение "ядерного клуба" минимизировано. До заключения ДНЯО было принято рассуждать о мире с несколькими десятками ядерных государств. Военные программы активно развивали Швеция и Швейцария, Австралия и Канада. К ядерному оружию в разные годы присматривались Египет и Турция, Южная Корея и Тайвань, Аргентина и Бразилия. Но за всю историю ДНЯО нарушителями оказались лишь несколько государств (Румыния, Ирак, Ливия, вероятно, Иран и Сирия).

Сегодня мы имеем лишь считанных "уклонистов" от режима (Израиль, Индия и Пакистан), последовательно остающихся вне ДНЯО и имеющих собственное ядерное оружие, и КНДР – единственное государство в истории Договора, в 1993 г. инициировавшее, а в 2003 г. возобновившее процедуру выхода из него и освоившее военную ядерную программу вплоть до проведения испытаний. Иран, из Договора не выходящий, "уклонистом", строго говоря, не является, однако с середины 80-х гг. и до 2003 г. осуществлял (и, не исключено, продолжает осуществлять) ограниченную военную ядерную программу под покровом участия в ДНЯО.

По сути, уже около двух десятков лет разговоры о "ядерном нераспространении" кружатся вокруг этого тревожного, но всё же ограниченного списка стран. Что бы ни утверждали поклонники "принципа домино", прочих кандидатов в новые ядерные государства не просматривается. Напротив, за последние 20 лет участниками ДНЯО стали два признанных ядерных государства (Франция и КНР), а также ЮАР, которая добровольно отказалась от собственного ядерного арсенала и уничтожила его. В качестве неядерных государств к Договору присоединились Белоруссия, Казахстан и Украина, на территориях которых размещалось стратегическое ядерное оружие после распада СССР. В последнем случае безъядерный результат стал плодом трудного компромисса.

К досаде тех, кто драматически предрекает "кризис" Договора и даже его "скорый крах", я не вижу веских причин, способных в обозримой перспективе привести к подобным результатам. Впрочем, цель этого доклада – не панегирик ДНЯО, а анализ связанных с ним проблем.

Выделю четыре основные "болевые точки": разоружение, универсальность, мирное использование атомной энергии и ядерную безопасность.

Разоружение

Запасы ядерного оружия сейчас находятся на наименьшем уровне за последние 50 лет. Это подтверждает тезис о том, что страны, обладающие ЯО, постепенно продвигаются к "ядерному нулю". Как было подтверждено участниками Обзорной конференции 2010 г., единственную гарантию против использования или угрозы использования ядерного оружия может дать только его полное уничтожение.

Вообще-то, цель достижения "ядерного нуля" – не пожелание, а обязательство всех участников ДНЯО, как неядерных, так и ядерных. Оно предельно чётко изложено в ст. VI и является одной из трёх главных "несущих конструкций" Договора наряду с собственно ядерным нераспространением и правом на мирное использование атомной энергии. Ещё более внятно это обязательство отражено в заключительном документе Обзорной конференции 2000 г., который был принят консенсусом: "Участники конференции договариваются о недвусмысленном обязательстве государств, обладающих ядерным оружием, осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению".

Стоит только одной из "несущих конструкций" ДНЯО просесть под грузом пустых деклараций, не подкреплённых конкретными шагами, как возникнет риск расшатывания и всего сложного, взаимозависимого механизма режима нераспространения.

Последние 10 лет были синонимом стагнации в деле ядерного разоружения. Президенты Д. А. Медведев и Б. Обама, впервые встретившись в Лондоне, 1 апреля 2009 г. объявили, что Россия и США станут лидерами движения в сторону безъядерного мира. Спустя всего пять дней Обама развил "апрельские безъядерные тезисы", выступая в Праге. Оба президента договорились начать переговоры о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Новый договор по СНВ был подписан 8 апреля 2010 г. Установленные им уровни в 1550 развёрнутых боезарядов и 700 развёрнутых носителей для каждой из сторон, соответственно, примерно на треть и более чем в два раза ниже предельных уровней, закреплённых предыдущим Договором (хотя тот скорее похож на протокол о намерениях) между Россией и Соединёнными Штатами о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подход предсказуемый и не слишком радикальный (без заметного ущерба для безопасности можно было бы оставить тысячу развёрнутых боеголовок). Зато результат устраивает обе стороны и является важным и недвусмысленным сигналом всему миру: Москва и Вашингтон действительно идут по пути реального ядерного разоружения, а не просто говорят о нём. Прошедшая в июне 2010 г. в ПИР-Центре международная конференция, посвящённая новому Договору по СНВ, ещё раз показала, насколько большое значение придают как российская, так и американская сторона успешному подписанию Договора и, главное – его скорейшему вступлению в силу.

Действительно, предыдущий опыт с американцами не слишком утешителен, и самым правильным подходом была бы одновременная ратификация Договора в двух странах. До этого говорить о дальнейших шагах в области ядерного разоружения преждевременно. Однако и в Вашингтоне, и в Москве "пунктиром" такой путь начинают вычерчивать уже сейчас. Что может быть в "двустороннем меню" на ближайшую пятилетку?

Во-первых, продвинуться в реальной совместной работе по предотвращению ракетных угроз, включая совместную их оценку и разработку "противоядия".

Во-вторых, приступить к сокращениям не только стратегических, но и субстратегических ядерных вооружений. Для этого Соединённым Штатам придётся сначала в одностороннем порядке вывести всё своё тактическое ядерное оружие из Европы.

В-третьих, приступить к параллельной дискуссии о недопущении размещения оружия в космосе. США пока интереса к ней не проявляли.

Что можно сделать в ближайшие пять лет на многостороннем уровне, чтобы обеспечить поступательное движение к заветному "ядерному нулю"?

Во-первых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (через совместную декларацию или односторонние параллельные заявления) не наращивать свои ядерные арсеналы. Это не вызовет возражений одних (Россия, США, Великобритания), но может стать препятствием для других (Китай).

Во-вторых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (по той же модели) не размещать ядерное оружие на суше за пределами национальных территорий. Первый шаг сделан: новый Договор по СНВ включает это положение в отношении российских и американских стратегических вооружений. Теперь следует распространить его на все виды вооружений и все ядерные государства.

В-третьих, должно быть обеспечено скорейшее вступление в действие Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Он вступит в силу только после того, как его подпишут и ратифицируют КНДР, Индия и Пакистан, а также ратифицируют КНР, Египет, Индонезия, Иран, Израиль и Соединённые Штаты. Согласен с российским дипломатом О. Рожковым, который, выступая на международной конференции, организованной ПИР-Центром, заявил: "Ситуацию с ратификацией ДВЗЯИ сегодня иначе как скандальной не назовёшь, так как с момента подписания Договора прошло 14 лет. Все условия для этого существуют, особенно принимая во внимание исходящие от США позитивные сигналы об изменении отношения к этому Договору". До вступления ДВЗЯИ в силу все государства должны придерживаться моратория на испытания ядерных взрывных устройств.

В-четвёртых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (через совместное заявление или односторонние параллельные заявления) отказываться от разработки новых, более совершенных типов ядерных вооружений.

В-пятых, на Конференции по разоружению в Женеве должна быть, наконец, разблокирована работа по выработке договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных

целей. Такой документ стал бы весомым практическим вкладом в дело разоружения.

В-шестых, все ядерные державы могли бы присоединиться к инициативе России и КНР по началу работы над договором о запрещении вывода оружия в космос.

В-седьмых, российско-американский Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) следует сделать многосторонним, в нём участие всех государств, имеющих ядерное оружие *де-юре* и *де-факто* обязательно.

Как видим, тезис о том, что ядерное разоружение должно быть заботой исключительно ядерных государств, верен лишь отчасти. Внести лепту в этот процесс способны все государства – участники ДНЯО (а также страны, не присоединившиеся к Договору), если они заинтересованы в том, чтобы режим нераспространения не буксовал.

Универсальность

Помимо "легитимной" ядерной пятёрки есть ещё четыре *де-факто* ядерных государства, на которые положения ДНЯО не распространяются: Израиль, Индия, Пакистан (у каждого, по данным Стокгольмского института изучения проблем мира (СИПРИ), имеется от 60 до 80 развёрнутых боеголовок), а также КНДР. С учётом последней, наверное, правильно говорить о "трёх с половиной" членах клуба, принимая КНДР за "половинку".

Существует и одно проблемное государство – Иран, где ядерного оружия нет, но нет и уверенности в том, что отсутствует подпольная военная ядерная программа с целью его создания (при этом мы в своих оценках исходим из того, что политическое решение о создании ядерного оружия Тегераном пока не принято, хотя базовые технологические возможности для этого в основном подготовлены).

Решения государств – участников ДНЯО призывают к "универсальности" Договора, т.е. к присоединению к нему всех стран. Вот и в совместном заявлении ядерной пятёрки, принятом в мае 2010 г., ещё раз подтверждается необходимость вовлечения в Договор не входящих в него государств. Однако "универсальность" документа не должна означать универсальности подходов к каждой из стран вне ДНЯО.

Индия создала собственное ядерное оружие в ответ на уничижительное поражение в войне с Китаем, который к тому моменту обладал ЯО, более того, был признан таковым согласно ДНЯО. Действительно, Индия не успела впрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием "ДНЯО" в качестве легитимной ядерной державы и провела первое испытание только в 1974 г. Однако разве она не доказала всем своим поведением в последние десятилетия, что является ответственным ядерным государством? Разве Дели распространял военные ядерные технологии и материалы в третьи страны? Наконец, разве правомерно говорить о придании Индии неядерного статуса, не ставя параллельно вопрос о Китае?

Осознавая это, многие прагматичные участники международного сообщества, включая США и Россию, пошли в 2008 г. на беспрецедентный шаг – снятие с Индии ограничений в области ядерной торговли, которые Группа ядерных поставщиков налагала на любое государство вне ДНЯО. Споры вокруг данного решения много. Убеждён, что такой шаг сделан в правильном направлении. Индия должна и далее вовлекаться в вопросы ядерного нераспространения, будто бы она является шестым членом "ядерного клуба" согласно ДНЯО, но без юридического обоснования её членства в "клубе".

Со своей стороны, Дели следует воспринимать подобные действия международного сообщества не как индульгенцию, а как элемент диалога, который подразумевает взаимность, включая и ответственную политику индийского руководства в области ядерного нераспространения и разоружения.

По моему мнению, перечисленные выше шаги в области ядерного разоружения применительно к ядерной пятёрке могут и должны распространяться на Индию. В случае принятия официальными ядерными державами заявлений по ненаращиванию и несовершенствованию своих ядерных арсеналов Дели необходимо сделать синхронное заявление аналогичного содержания. Не ожидая уговоров подписать ДВЗЯИ, не оправдывая своё самоустранение отсутствием ратификации этого Договора со стороны США или КНР, Индии, напротив, следует показать пример ответственности, подписав и ратифицировав ДВЗЯИ в короткие сроки, а до вступления его в силу придерживаться моратория на ядерные испытания. Почему

то, что не считают для себя зазорным Россия, Великобритания и Франция, должно считаться зазорным для Индии? Наконец, Дели необходимо аккуратно выполнять обязательство по постановке осуществляемой в стране мирной ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ.

Пакистан представляет собой совершенно иной случай, хотя, конечно, его ядерная программа была "догоняющей" Индию. Сегодня Пакистан – единственное государство, имеющее ядерное оружие, где политический режим расшатан и находится на грани коллапса. Пакистанские военные не раз убеждали в отсутствии причин для беспокойства относительно уровня физической защиты, учёта и контроля ядерного оружия и ядерных материалов. Тем не менее трудно принять эти утверждения на веру, особенно потому, что именно в Пакистане и в непосредственной близости от него действуют наиболее агрессивные негосударственные игроки, стремящиеся получить несанкционированный доступ к ядерному оружию и его компонентам.

На Конференции по разоружению в Женеве Исламабаду следует перестать блокировать начало переговоров по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей (хотя порой кажется, что за пакистанской блокировкой видна китайская тень). Пакистану также необходимо присоединиться к ДВЗЯИ, соблюдая мораторий на ядерные испытания вплоть до вступления договора в силу. Кроме того, Исламабад должен открыть доступ инспекторам МАГАТЭ к исчерпывающим материалам по делу Абдул Кадыр Хана и его "команды", продававшей ядерные секреты. Наконец, пакистанскому руководству и военным стоит сообща задуматься над следующими вопросами: выигрывает ли Пакистан, имея ядерное оружие? действительно ли ЯО обеспечивает безопасность страны? не рискует ли ядерное оружие стать гвоздём, вбитым в гроб пакистанской государственности, а вовсе не гарантом этой государственности (как склонны полагать сегодня в Исламабаде)?

КНДР, как когда-то Пакистан, тоже "ест траву" ради ядерного оружия. Насколько значим северокорейский арсенал, судить трудно. Тем не менее два испытания Северная Корея осуществила. Серьёзную озабоченность вызывает развитая ракетная программа

страны. Со своей стороны, северокорейское руководство беспокоит, когда его то включают в "ось зла", то игнорируют. Пхеньяну нужны внимание, гарантии безопасности и простор для торга. Вероятно, именно этим путём и пойдут шестисторонние переговоры (КНДР, Республика Корея, КНР, Россия, Япония, США). Реализация договорённостей в рамках данных переговоров со временем позволит Северной Корее восстановить полноценное участие в ДНЯО в качестве неядерного государства. Пхеньян также мог бы поддержать мораторий на проведение ядерных испытаний и в перспективе присоединиться к ДВЗЯИ. Среди дальнейших шагов – участие вместе с Республикой Корея в процессе формирования безъядерного статуса Корейского полуострова (хорошо забытое старое).

Израиль заслуживает особого разговора. Именно ситуация на Ближнем Востоке и корень зла – наличие у Тель-Авива ядерного оружия и неучастие страны в ДНЯО – могут стать основной миной замедленного действия под Договор.

Ни вопросы ядерного разоружения, ни кризис вокруг ядерной программы Ирана, никакие другие нерешённые проблемы не способны нанести такого ущерба престижу и эффективности ДНЯО, как отсутствие прогресса в реализации резолюции Конференции 1995 г. по Ближнему Востоку. Она призывает "все без исключения государства на Ближнем Востоке, которые ещё не сделали этого, как можно скорее присоединиться к Договору и поставить свои ядерные объекты под полномасштабные гарантии МАГАТЭ". Также говорится о необходимости "сотрудничать и прилагать все усилия в целях обеспечения скорейшего создания региональными сторонами зоны, свободной от ядерного оружия и всех других видов ОМУ и систем его доставки, на Ближнем Востоке".

Прошло 15 лет. Прогресс – нулевой. Израиль сегодня – единственное государство региона вне ДНЯО. Тель-Авив не просто игнорирует любые призывы открыть ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ и начать переговоры о ближневосточной безъядерной зоне, но и вслух рассуждает о том, как уничтожить ядерные объекты Ирана (где ЯО отсутствует).

Сейчас ситуация на Ближнем Востоке такова, что любой оптимизм в отношении самой возможности решения израильской ядерной проблемы звучал бы наивно. И тем не менее, когда (и если)

положение в регионе начнёт меняться к лучшему, а в Израиле придут к власти более ответственные и дальновидные лидеры, велосипед изобретать не придётся. Рецепты продвижения в сторону создания ближневосточной безъядерной зоны уже разработаны, в том числе и в начале 90-х гг. Тогда ситуация была качественно иной и имелись надежды на прогресс.

Прежде всего от Тель-Авива требуется согласие на распространение гарантий МАГАТЭ на ядерную инфраструктуру в Димоне. Далее, созданию безъядерной зоны должно предшествовать недвусмысленное обязательство сторон воздержаться от атак на ядерные объекты друг друга. За основу договора о такой зоне можно взять положения из Совместной декларации между Израилем и Иорданией (1993 г.) о нормализации двусторонних отношений. Принципиально важно выработать систему верификации и мониторинга в регионе, где традиции доверия утеряны, при этом можно использовать опыт, накопленный такими региональными организациями, как Евратом или Бразильско-аргентинское агентство по учёту и контролю ядерных материалов (АВАСС). Конференция 2012 г. по вопросу реализации ближневосточной резолюции 1995 г., о проведении которой было объявлено на Обзорной конференции 2010 г. в Нью-Йорке, могла бы служить платформой для подготовки таких шагов.

Хотя Израиль является "ключом" (а сегодня и основным тормозом) для решения ближневосточной ядерной проблемы, другие государства региона не должны прикрываться антиизраильской риторикой, реализуя собственные амбиции.

Ирану необходимо прекратить политику увёрток и предоставить МАГАТЭ исчерпывающие данные об истории своей прикладной военной ядерной программы, а она у него имелась. Только беспрецедентное сотрудничество с МАГАТЭ поможет Тегерану избежать изоляции. Речь также идёт о Египте, который пока, как и Иран, не ратифицировал ДВЗЯИ. Все три государства региона (Египет, Израиль и Иран) должны ратифицировать этот договор как можно скорее.

И, наконец, всем странам региона следует прислушаться к российской инициативе и отказаться от создания и развития чувствительных элементов ядерного топливного цикла (ЯТЦ).

Мирное использование атомной энергии

По оценке президента Франции Н. Саркози, к 2030 г. потребность в атомной энергии на нашей планете возрастёт на 40 %. Если Европа пока далека от атомного ренессанса и ещё пребывает в состоянии постчернобыльской рефлексии, то Азия и Латинская Америка торопятся "догнать и перегнать". Бум атомной энергетики, несомненно, затронет такие государства, как КНР и Индия. Сложнее с теми, кто раньше не проявлял интереса к "мирному атому", но за последние 2–3 года начинает менять подход. Тут список обширный: от Вьетнама и Мьянмы до Иордании и ОАЭ – в Азии; от Нигерии и Марокко до Кабо-Верде и Ливии – в Африке; от Венесуэлы и Эквадора до Кубы и Чили – в Латинской Америке. Другое дело, что кто-то из этого списка уже вплотную приблизился к строительству АЭС, а кто-то никуда дальше разговоров и не продвинется.

Как мирное использование атомной энергии в странах, не имеющих большого опыта, будет стыковаться с их обязательствами в области ядерного нераспространения? Главное правило, заложенное в ст. IV ДНЯО, должно оставаться неизменным: не пойман – не вор; если государство не замечено в нарушениях обязательств по ДНЯО, оно имеет полное право (без ограничений) на развитие атомной энергетики в мирных целях.

Как заявил заместитель Генерального директора "Росатома" Н. Н. Спасский, выступая в июне 2010 г. на международной конференции в ПИР-Центре, ключевая проблема ядерного нераспространения на Ближнем Востоке состоит в том, что развитие атомной энергетики неизбежно будет сопровождаться ростом числа людей, располагающих знаниями в этой области. В кризисной обстановке увеличится соблазн направить эти знания на военные цели, с чем мы не можем не согласиться.

Однако те, кто развивает атомную энергетику, могли бы использовать плоды международного разделения труда, идя по пути многосторонних подходов к ЯТЦ. По сути, речь идёт о формировании глобальной инфраструктуры ЯТЦ через сеть международных центров. Но пока реально действующий центр один – Международный центр по обогащению урана (МЦОУ) в Ангарске,

созданный по инициативе России, к которому уже присоединились Казахстан, Армения и Украина.

Некоторые развивающиеся страны (прежде всего, Египет) опасаются, что подобными инициативами их заманивают в технологическую "ловушку", лишая законного права на развитие национальных программ. Безусловно, международные центры должны стать экономически привлекательными и политически приемлемыми для всех заинтересованных государств – участников ДНЯО, а также, возможно, для Индии. Тем, кто пока реагирует настороженно, стоит прислушаться к словам высокого представителя Генерального секретаря ООН по разоружению бразильца Сержио Дуарте: "Создание МЦОУ в Ангарске является конструктивным шагом, который может снять опасения в области ядерного нераспространения, так как это устраняет необходимость иметь национальные обогатительные возможности".

А для тех, кого беспокоит зависимость бесперебойных поставок ядерного топлива от политической конъюнктуры, создаются специальные топливные резервы, находящиеся под гарантиями МАГАТЭ (в частности, в том же Ангарске).

Конечно, таким государствам, как Иран, имеющим амбициозные планы в атомной отрасли, следовало бы внимательнее изучить эти инициативы и, не откладывая, присоединиться к ним, отказавшись или сведя к минимуму собственные обогатительные программы – сомнительные с точки зрения экономической выгоды и политически провокационные.

Ядерная безопасность

На основе анализа, проведенного в ПИР-Центре, могу утверждать, что за последние 15 лет международные террористические организации десятки раз осуществляли попытки несанкционированного проникновения на ядерно-опасные объекты с целью диверсий; стремились получить доступ к оружейным ядерным материалам; изучали возможности доступа к ядерным боеприпасам в процессе их транспортировки; работали над созданием так называемой "грязной бомбы", применение которой привело бы к масштабному радиоактивному загрязнению.

Вместе с тем из всех возможных террористических сценариев акты ядерного терроризма по-прежнему наименее вероятны. В первую очередь это обусловлено наличием совершенных систем физической защиты, учёта и контроля ядерных боеприпасов и материалов в большинстве государств, имеющих ядерное оружие либо нарабатывающих ядерные материалы.

Однако психологические последствия такого теракта были бы не менее масштабными, чем материальные. Сегодня в России подсудный страх перед ядерным терроризмом чрезвычайно высок. По данным опроса ПИР-Центра, 83,4 % россиян опасаются, что оружие массового уничтожения, окажись оно в руках международных террористов, будет применено ими против нашей страны, и только 11,6 % опрошенных не видят такой угрозы.

Налицо ряд факторов, которые способствуют повышению риска ядерного терроризма. Прежде всего, как ни парадоксально, это – высвобождение значительного количества ядерных материалов оружейного качества в результате процесса сокращения ядерных вооружений. Другой фактор – увеличение числа, рост влияния и финансовых возможностей негосударственных игроков, таких как террористические группы, транснациональные организованные преступные сообщества, сепаратистские движения на этнической основе, экстремистские религиозные секты. Наконец, серьёзным раздражителем является факт наличия ядерного оружия в политически нестабильном государстве – Пакистан.

Прошедший в апреле 2010 г. в Вашингтоне саммит по ядерной безопасности наметил шаги, которые следует сообща предпринять в ответ на рост террористической угрозы. В данном случае ДНЯО бессилён, ведь речь идёт не о государствах. Поэтому главную роль должен сыграть Совет Безопасности ООН. В 2004 г. он уже принял резолюцию 1540 с требованием ко всем странам воздерживаться от оказания любой поддержки негосударственным субъектам, пытающимся разрабатывать, приобретать, производить, обладать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки. Последовательное выполнение данной резолюции всеми государствами – членами ООН позволит минимизировать риск попадания ядерного оружия, оружейных ядерных материалов в руки террористов. Не менее

важно, чтобы Совет Безопасности не попустительствовал странам, игнорирующим положения упомянутой резолюции. Заключительное коммюнике Вашингтонского саммита по ядерной безопасности справедливо обращает внимание и на роль МАГАТЭ: Агентство должно иметь необходимые "структуру, финансовые ресурсы и возможности для экспертизы", а всем государствам – членам МАГАТЭ следует задуматься над "развитием культуры ядерной безопасности посредством развития технологий, обеспечения кадрами, их обучения и повышения квалификации". Можно считать, что первый шаг по усилению МАГАТЭ сделан – по итогам Обзорной конференции 2010 г. было решено увеличить финансирование Агентства.

* *
*

Успех Обзорной конференции 2010 г. – шаг вперёд в укреплении международного режима ядерного нераспространения. Шаг скромный, но тем не менее весомый. Подтверждены действенность и жизнеспособность Договора. Все государства – участники ДНЯО поддержали комплекс мер по цементированию режима. Ни сам Договор, ни Обзорная конференция не способны устранить подводные камни, которые то и дело возникают. Иран является серьёзнейшим тестом для международного сообщества, как, впрочем, и Израиль. Таким образом, хотя режим и укрепляется, испытаний его на прочность не становится меньше.

Новиков Владимир Евгеньевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела оборонной политики РИСИ.

ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В официальных российских документах декларируется, что распространение ядерного оружия (ЯО) представляет угрозу

международной безопасности и национальным интересам России, поэтому борьба с этой угрозой является приоритетной целью РФ.

С точки зрения международного права нет бесспорных доказательств наличия ядерного оружия в регионе Ближнего Востока. Тем не менее подавляющее большинство экспертов уверены в существовании ЯО (включая авиационные и ракетные средства его доставки) в Израиле.

На основании вышесказанного можно утверждать, что израильский ядерный арсенал представляет угрозу (хотя бы потенциальную) национальной безопасности РФ. Однако, по всей видимости, в настоящее время и в ближайшем будущем ядерное оружие Израиля не следует рассматривать в качестве особо опасного вызова для России. Нынешнее состояние и перспективы развития российско-израильских отношений вряд ли могут свидетельствовать о реальности сценария, при котором Тель-Авив будет угрожать Москве применением ЯО.

Вторым и наиболее вероятным *де-факто* ядерным государством на Ближнем Востоке может стать Иран. Много говорится об осуществлявшейся в ИРИ в прошлом программе создания ядерного оружия. По моему мнению, у международного сообщества нет убедительных доказательств военной направленности иранской ядерной программы. Однако не вызывает сомнения тот факт, что в результате осуществления масштабной деятельности по развитию ядерной энергетики Тегеран будет обладать научно-техническими предпосылками создания ЯО. Иранское руководство демонстрирует твёрдую решимость спроектировать и построить объекты, относящиеся практически ко всем звеньям ядерного топливного цикла. В связи с этим наибольший озабоченность экспертов вызывают иранская программа обогащения урана, строительство исследовательского реактора IR-40 и производство тяжёлой воды в Араке.

Если упомянутые выше программы будут реализованы в полном масштабе, то Иран получит возможность нарабатывать значимые количества ядерных материалов оружейного качества.

Следует подчеркнуть, что обладание научно-техническими предпосылками создания ЯО не означает неизбежного появления иранской ядерной бомбы, поскольку необходимо, чтобы руководство страны приняло соответствующее политическое решение и